

Тамъ камни, взобравшись на камни, застыли,
Тамъ небо утесы собой заслонили,
И смотрится въ бездну клочекъ голубой,
Какъ глазъ исполнина; все мертво и глухо,
Не выжить ни чувства, ни вора, ни слуха,
И жизнь шевелится лишь въ безднѣ одной.

И странное чувство душой опладъло!
И тяжело носить мнѣ грѣховное тѣло,
И тяжело вздымается бѣдная грудь;
Хотѣлось бы разомъ въ объятья пучины,
Съ скалы перевозчанной, съ угрюмой вершины,
Въ томлени, въ волненьи, въ безумьи прыгнуть.

И бездна зоветъ, приласкаетъ и манитъ,
Невидимой силой коварная таетъ,
Чаруетъ бездонною тмою своею,
И тѣло стремится, и тѣло къ ней рвется,
То сердце застынетъ, то сильно забьется,
И тѣло не въ силахъ противиться ей.

То странное чувство души непонятно!
Закроюль глаза я — багровыя пятна
Кружатся, растутъ, устремляются вдалека; —
Когда же всѣ силы свои соберу я,
И тѣло отъ бездны, рвануясь, оторву я —
И радъ я, и веселъ, и бездны мнѣ жалъ.

И въ жизни есть много такихъ обаяній!
И если въ минуты несчастій, страданій,
Юдольной пустыни угрюмой жилецъ
Средь камней холодныхъ, гранитовъ унылыхъ —
Могилъ противиться будетъ не въ силахъ
Упрекъ ли заслужить страдальца конецъ?

В. Зотовъ.

БОГЪ ПОДАСТЪ!

Усталый убитый и горемъ, и жаждой,
И голодомъ — нищій скитался однажды
По улицамъ славной столицы.
За хлѣбкомъ простертыя руки дрожали,
И жалкіе звуки изъ устъ вылетали,
Весь день до вечерней денницы!

И мимо страдальца ходили все люди:
Не тронулись горемъ холодныя груди,
Слеза на глазахъ не сіяла
Не слушали воплей, и горя не зная,
Развратныхъ безумцевъ толпа молодая
Пасмышкой его оскорбляла.

Люди шумною толпою,
Разныхъ чувствъ и разныхъ кастъ,
Шли все мимо, лишь порою
Раздавалось: Богъ подастъ!
Богъ подастъ! Пасмышка злая
Надъ не вѣнчанъ Творца;
То его толпа пустая
Такъ осмивала, зная
Добродушіе отца.
Богъ подастъ!! Да, мѣръ развратный,
Богъ страдальцамъ полагаетъ!
Ихъ прекрасный, благодатный
Рай за этой жизнью жаждетъ.
Не утѣшитъ свѣтъ коварный
Бѣдныхъ, спрыхъ и больныхъ —
Богъ самъ ризой лучезарной
Оттираетъ слезы ихъ.
Чистый ангелъ въ этой жизни
Утѣшаетъ ихъ порой,
И твердитъ имъ объ отчизнѣ
Свѣтлой, райской, дорогой.
Имъ Христось мученій время
Сократить и усладить;
Тяжкій крестъ, страданій бремя
Слабымъ плочамъ облегчить:
Дастъ имъ спутникомъ Надежду,
Въ часъ послѣдній бытія
Самъ закроетъ бѣднымъ възды,
И покажетъ имъ края,
Гдѣ утѣшатся скитальцы,
Гдѣ онъ скажетъ въ страшный часъ:
«Приндите все страдальцы, —
Упокою здѣсь я васъ!»
Тѣмъ, чьи слезы льются въ чашу,
Тѣмъ, чей вѣдохъ тяжелъ и частъ,
Въ жизни новой, безконечной,
Утѣшенъ Богъ подастъ!!...

В. Зотовъ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ВАЙРОНА.

I.

О жизнь молъ въ часъ вѣги и любви
Твой уста мнѣ шепчуть, другъ безцвѣтный....
Какъ сладки для меня слова твои!....
Но вспомни: жизнь — блескъ молнии мгновенный.

Она увянуть можетъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
И мнѣ не слышать больше звуковъ члѣныхъ:

«Душой своей» меня зови: — ей пить
Конца, какъ и любви моея, о милый!

А — въ.

II.

СТІХИ, НАПИСАННЫЕ НА ЧАШѢ, СДѢЛАННОЙ ИЗЪ ЧЕЛОВѢ-
ЧЕСКАГО ЧЕРЕПА (*).

Не морщись — пей! — Мой духъ еще со мной.
Узнай: — я черепъ, братъ, такой, въ которомъ
Совѣсть нето, что въ головѣ живой:
Нѣтъ грязи, ношлыхъ глупостей и вздоръ.

Я жилъ, любилъ и пилъ, какъ пьешь и ты,
И умеръ... не тревожь моихъ костей! —
Вина въ мени! — Ну, пей! — уста твои
Вѣдь, право, лучше склизистыхъ червей...

Пріятнѣе мнѣ быть чашей пуншевой,
И нектаръ искривый во мнѣ держать,
Чѣмъ тлѣть въ гробу, иль гнить въ землѣ сы-
рой,
И гадкую семью червей питать...

Такъ пусть же здѣсь вино блещетъ во мнѣ,
Гдѣ прежде я блисталъ своимъ умомъ...
Когда не станеть мозгу въ головѣ
Чѣмъ замѣнить его, какъ не виномъ?

Пока въ тебѣ есть силы — пей! Какъ знать?
Быть, можетъ, и надъ черепомъ твоимъ
Похомокъ также станеть рюмовать,
И повзрять смущенья свои...

Зачѣмъ не такъ? хоть наша голова
При жизни много производитъ вздору;
За то, по смерти, чашей для вина
Годится быть, ожившавшись отъ сору...

А — въ.

* Байронъ вотъ что говоритъ объ этой чашѣ: «Са-
довникъ, роя земно, нашель черепъ, который,
взростно, принадлежалъ какому нибудь умершему
брату аббатства; при взглядъ на гигантскую фор-
му черепа и на то, что онъ совершенно сохранил-
ся, мнѣ пришла странная фантазія сдѣлать изъ него
чашу для питья. Съ этою цѣлью, я отправилъ его
въ городъ и онъ воротился ко мнѣ прекрасно выпо-
лированный и подглазанный подъ цвѣтъ черепахи.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ водевилля «Елена».)

Безъ росы цвѣтокъ отъ зноя
Въ полѣ засыхаетъ,
А безъ милаго дѣвица
Съ горя пропадаетъ.

Люди злые у дѣвицы
Счастье отнимаютъ,
Не за нравъ ее, за бѣдность
Съ другомъ разлучаютъ!

Лучше съ жизнью разстаться,
Чѣмъ въ тоскѣ томиться...
Что и жизнь, какъ нѣтъ надежды
Съ милымъ съединиться!

П. Федоровъ.

ТАКЪ ПРЕДНАЗНАЧЕНО СУДЬБОЮ.

(Изъ новаго водевилля.)

На свѣтѣ многіе изъ насъ
Судьбу всю жизнь свою вѣтряютъ,
Чтобъ ни случилось — тотчасъ
Судьбу бранятъ и обвиняютъ;
Друзей ли сплетни разлучать,
Мужъ разойдется ли съ женою,
Всѣ въ утѣшеніе нѣмъ твердятъ:
Такъ предназначено судьбою!

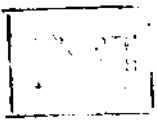
Аннета влюблена была
И прапорщину обожала
А мать бѣдѣжку отдала
За пивалида генерала.
Теперь ей мужъ мораль твердить,
Аннета нянчется съ тоскою,
А мать съ слезами говоритъ:
Такъ предназначено судьбою!

Отецъ Снуркова былъ богатъ
И въ банкъ миллионъ оставилъ,
А сызъ черезъ банкъ весь этотъ кладъ
Въ чужіе сундуки отправилъ.
Снурковъ нашъ духомъ не упалъ
И разсуждаетъ самъ съ собою:
Не я виновъ, что нищимъ сталъ, —
Такъ предназначено судьбою!

1841 г. 9877

РЕПЕРТУАРЪ

1841 г. 9877

РУССКАГО ТЕАТРА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ,

НА 1841 ГОДЪ.

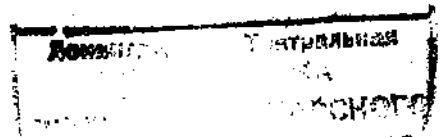
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И КЪ.

1841.

10392-9877
1841 г.